

Страны БРИКС и распространение демократии¹

М. Кардуччи, А.С. Бруно

Кардуччи Мишель – профессор сравнительного права, Центр исследований Европейско-американской конституционной политики, Университет Саленто; PiazzaTancredi, 7, 73100 Lecce LE, Salento, Italy; E-mail: michele.carducci@unisalento.it

Бруно Анна Сильвия – доцент сравнительного права, Центр исследований Европейско-американской конституционной политики, Университет Саленто; PiazzaTancredi, 7, 73100 Lecce LE, Salento, Italy; E-mail: bruno.annasilvia@gmail.com

Авторы статьи ищут ответ на вопрос, возможно ли засвидетельствовать влияние межгосударственных движущих сил БРИКС на активизацию тех процессов конвергенции политических режимов и практик, которые называются «распространением демократии». В мире уже есть опыт такого «распространения». Однако, поскольку он имел место во время так называемой «третьей волны» демократизации, в основу которой легли однородность стран и структурные условия «привлекательности демократии», БРИКС вряд ли удастся повторить данный опыт. Напротив, лишь реальная конституционная однородность, общая для стран БРИКС, является стандартом невмешательства во внутренние дела каждой из них; невмешательство также означает взаимное воздержание от любых попыток ограничения политической трансформации при сохранении межстрановой кооперации. Опыт БРИКС показывает, что разные политические режимы могут продвигать институционализированные формы межстрановой кооперации без неотъемлемого взаимного обмена на конституционном уровне. Теории «перехода» и «распространения демократии» недостаточны для понимания движущих сил БРИКС: по этой причине пример БРИКС подтверждает существование «серой зоны», которую теория «демократической трансформации» не обеспечила внятным анализом за все эти годы. С девизом «разделения в единстве» БРИКС намерена предложить эволюционный путь развития моделей «неевроцентричной зависимости» в межстрановых отношениях, преодолев который, можно преодолеть «периферийный реализм» роли каждой страны в ее собственной внешней политике.

Ключевые слова: распространение демократии, общие конституционные стандарты, конституционная однородность, невмешательство, БРИКС

Введение

Традиционные институты, такие как Всемирный банк и Совет Безопасности ООН, уже не отражают баланс сил в глобальной экономике. Таково послание БРИКС США и Европе, выраженное в создании Нового банка развития, способного конкурировать с Западом в финансировании инфраструктурных программ. Страны БРИКС появились на международной арене в качестве новых игроков, в то время как сила «вашингтонского консенсуса», представляющего собой свод рекомендаций по проведению экономической политики для развивающихся стран, потерпела крах. Устойчивый экономический рост экономик БРИКС поддержал их желание выйти из международной системы,

---

¹ Перевод выполнен м.н.с. Института международных организаций и международного сотрудничества НИУ ВШЭ, н.с. Лаборатории исследований корпоративных стратегий и поведения фирм РАНХиГС, н.с. Центра отраслевых исследований ИСКРАН Т.А. Ланышиной.

характеризующейся политической логикой периода конца Второй мировой войны. В 2011 г. в Нью-Дели пять развивающихся стран развернули подготовительную работу по созданию организации, независимой от созданных в Бреттон-Вудсе институтов. В марте 2013 г. в Дурбане (ЮАР) эти пять стран сформулировали более конкретную цель: создать замену МВФ и Всемирному банку. В итоговом документе саммита было открыто заявлено, что такие институты, как Всемирный банк, МВФ и Совет Безопасности ООН, являются экономическими и политическими инструментами, которые не способны решить проблемы глобальной экономики. 9 сентября 2014 г. ООН приняла резолюцию № 68/304, в которой предлагалось согласовать международный правовой рамочный документ для регулирования процессов реструктуризации суверенных долгов стран. Это позволит создать новую глобальную финансовую структуру для всех стран, которые сталкиваются с необходимостью реструктуризации своих задолженностей. Резолюция поддерживает принятие и развитие указанного многостороннего рамочного документа через процесс межгосударственного диалога с целью повышения эффективности, стабильности и предсказуемости международной финансовой системы.

Данное предложение сделал Сача Ллоренти Солиз, председатель «Группы семидесяти семи» от Боливии. При стратегической поддержке Китая Солизу удалось добиться поддержки 124 стран. Всего 11 стран проголосовали «против», еще 41 страна воздержалась. Среди стран, которые не поддержали рамочный документ, были США, Великобритания, Израиль, Германия, Чехия, Австралия, Япония и Финляндия. Представляет интерес отказ 41 страны от голосования (в число этих стран вошли Мексика, Франция и Италия), поскольку эти отказы на самом деле являлись голосами против позиции США, которая позволяла продвинуть данную инициативу в ООН, однако не предполагала больших споров с существующими институтами.

Более того, в конце октября в докладе для Европейского парламента был поднят вопрос [Tvedad, 2014] о Бразилии и будущем БРИКС: могут ли отношения между странами БРИКС стать вектором «распространения демократии»? В докладе были выделены три аспекта, имеющие отношение к теме «распространения демократии»:

1. Принятие взаимных различий как условие функционирования БРИКС в качестве международного субъекта.

2. Незначительная роль БРИКС в процессе заключения очень крупных торговых соглашений, поддерживаемых США и Европейским союзом с целью организации свободного перемещения товаров и принятия общих правил торговли, а также с целью либерализации.

3. Проведение странами БРИКС (и в особенности Китаем, ЮАР и Бразилией) политики «невмешательства» в диспуты между государствами и в процесс разработки международных мер, направленных на защиту прав человека и прав на самоопределение.

Какова связь между этими тенденциями в БРИКС и феноменом «распространения демократии»? Данная статья посвящена поиску возможного ответа на этот вопрос.

Теория «распространения демократии»

Так называемое «распространение демократии» представляет собой распространение и конвергенцию демократических идей и примеров из практики. Этим процессам способствует ряд факторов: доступ к инструментам коммуникации и распространения информации, знание работ и идей классических исследователей демократии, увеличение

объемов торговли с последующим открытием границ для новых партнеров и для получения нового опыта; формализация международных отношений, а также связанные с этим феномены «трансфера политики», создания сетей и т.д. [Somaini, 2014]. Как уже отмечалось в других исследованиях [Carducci, Bruno, 2014, 2014a, 2014b; Carducci, 2012], БРИКС действует в соответствии с логикой трансфера политики и создания сетей, что, согласно теории, создает ожидания последующего «распространения». Тем не менее эти ожидания вряд ли можно считать обоснованными. Исходная гетерогенность стран БРИКС потребует определения общих особенностей, которые в дальнейшем могут стать основой для распространения демократии. Не удивительно, что однородность и конвергенция были условиями так называемой «третьей волны» мирового процесса демократизации [Huntington, 1993].

Есть ли у Бразилии, России, Индии, Китая и ЮАР общие особенности, которые можно классифицировать как однородные и конвергентные? в чем они могут заключаться? численность населения и географическая протяженность страны? стремление к статусу экономической и/или военной великой державы? или существование внешних мотивов конвергенции? или, наконец, наличие внешних элементов «привлекательности демократии»? При наблюдении за каждой страной ни одна из этих особенностей не представляется чем-то общим для всех стран БРИКС.

Прежде всего не хватает элемента «привлекательности демократии», который обычно обнаруживается в процессах наднациональной интеграции и поддерживает демократические стандарты, общие для стран-членов [De Vergottini, 1999]. Этот вывод применим к наднациональным процессам с трехмерной структурой, таким как Меркосур и Унасур для Бразилии или Африканский союз для ЮАР. В этих случаях страны-участницы сосуществуют не только в рамках наднациональной экономической или торговой организации, но и в рамках наднациональной системы защиты прав человека (Межамериканский суд по правам человека для Латинской Америки и Бразилии, Африканский суд по правам человека для ЮАР): так развиваются идеи о необходимости общих стандартов защиты прав человека и демократических гарантий среди стран-членов [Carducci, De Oliveira Mazzuoli, 2014].

Те же самые выводы справедливы при рассмотрении численности населения и географической протяженности стран БРИКС. Согласно некоторым недавним сравнительным исследованиям, «распространение демократии» третьей волны стало возможным, поскольку вовлеченные в него страны имели географическое и геополитическое сходство. Тем не менее в настоящее время среди 11 стран с численностью населения свыше 100 млн человек и схожими геополитическими позициями всего шесть стран (США, Япония, Индия, Индонезия, Бразилия и Мексика) расцениваются в международной литературе как демократии, хотя и качественно разные, в то время как оставшиеся страны (Нигерия, Россия, Пакистан) получают разные характеристики — между «полудемократиями» и «автократиями» [Somaini, 2014, p. 55; Grassi, 2008].

Статусом «великой державы» (экономической или военной) на сегодняшний день обладают Россия, Китай и, с недавнего времени, Индия. В то же время ЮАР и Бразилия относятся к категории средних держав [Sandal, 2014]. Среди прочих аспектов стремление к статусу «великой державы» может быть контрпродуктивным для достижения целей конвергенции. В действительности такое стремление способствует сплочению властных элит и возникновению ситуации, при которой демократизация их центристских сил рассматривается с подозрением. Подобный процесс демократизации ослабляет (по крайней мере временно) переговорную силу страны на международном уровне.

Наконец, ни одна из «великих держав» БРИКС не может принять на себя роль лидера в процессе «распространения демократии», а такая способность была определяющей чертой «третьей волны» (стоит задуматься о роли США в послевоенной Европе или о самом Европейском союзе в сравнении со странами Восточной Европы). США отказались от стратегии лидерства в демократизации стран БРИКС, поддержав геополитическую стратегию «окружения». Сравнительный анализ экономик БРИКС [Becker, 2014; Carmody, 2013] в последнее время показывает, что тотальная либерализация торговли, даже либерализация торговли с США и Европой, значительно ускорит технический прогресс в зоне БРИКС (прежде всего это касается России и Китая) и повысит активность денежного обращения, в котором доллар, а следовательно и обший «вес» США, станут пропорциональными. Поэтому США продвигают три международных партнерства (Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство, Транстихоокеанское партнерство, Генеральное соглашение по торговле и услугам), целью которых является создание атлантической и азиатской систем, исключая БРИКС, для изоляции этой правовой сети на глобальном уровне [Vuxron, Bulland, 2014] и препятствованию развитию тех связей между экономическим прогрессом и демократизацией, которые уже проявились в остальном мире за счет принуждения или конкуренции, подражания или обучения [Simmons, 2008].

В конечном счете для достижения однородности и конвергентности, которые не являются стратегическими целями США, внешнее лидерство не сделает все максимально возможное. Страны БРИКС, по всей видимости, не могут продвигать даже внутреннее лидерство, которое поддержало бы «распространение демократии». В действительности, если они даже могут быть классифицированы как «макротерриториальные пространства» [Logroschino, 2007], они не выглядят заинтересованными в продвижении общей политики согласованности для управления социальным и географическим неравенством, а также для совместного демократического управления территориями.

Это особенно важно с точки зрения «распространения демократии» по двум причинам:

- данная характеристика, в особенности в сочетании с анализом так называемой «новой экономической географии» [Kanbur, Venables, 2007], устанавливает связь между странами, индексами неравенства и природой политических режимов;
- БРИКС как организация в системе международных отношений не желает быть проблемой идентичности и границ в своем геополитическом пространстве.

Таким образом, БРИКС не нуждается ни в проведении однородной политики целостности в каждой из стран, ни в политике собственной целостности как международной системы. Следовательно, ей не нужны однородность и конвергенция.

В этом внешнем/внутреннем сценарии институциональная инновация, которую могут воплотить страны БРИКС, как конвергентная и однородная инновация служит исключительно общим стратегическим и экономическим интересам, вне зависимости от конституционных изменений в политическом режиме, как это и происходило во второй половине XX в. [Mazzucato, 2014].

Хотя так называемый «жесткий» регионализм был предпочтительным выбором США в послевоенный период [Roy, 2013], от него было решено отказаться из-за сопутствующих эффектов однородности и демократической конвергенции, наблюдаемых в Старом Свете. Не удивительно, что европейский процесс может быть изначально найден в «общих конституционных традициях», которые затем были формализованы Маастрихтским соглашением. Более того, договор о Европейском союзе с амстердамскими изменениями устанавливает, что Союз основывается на конституционных

принципах (ст. 6) и предусматривает систему санкций для стран, которые не придерживаются этих принципов (ст. 7); также данные принципы рассматриваются в договоре как условие для вступления стран, желающих присоединиться к ЕС (ст. 11) [Atripaldi, Miccu, 2003]. Вдобавок к этим положениям, указывающим на конвергентную однородность, договор в своей самой первой версии гарантирует уважение национальной идентичности, что похоже на процесс федерализации [Palermo, 2005]. Ничего подобного нет и не предвидится в межгосударственных обязательствах БРИКС.

«Невмешательство» как конституционная однородность БРИКС

Можем ли мы сделать вывод, что страны БРИКС не имеют однородных конституционных элементов в своей структуре и в своих функциях? Не совсем. Общий элемент существует, он отражен в основополагающих документах этих стран или в их практике. Этим элементом является «невмешательство» даже в основы конституционного строя. Логика международной кооперации БРИКС также основана на общем стандарте взаимного воздержания от воздействия на международные отношения пяти стран, но она предполагает оценку конституционных условий каждого политического режима. В отличие от Европейского союза с его политикой расширения и соседства, обусловленной сохранением или достижением определенных значений политических показателей (характеризуемых общим демократическим воодушевлением), группа БРИКС выглядит заинтересованной в продвижении конституционно «нейтральной» глобальной модели взаимодействия.

Это «нейтральное» формирование конституциональных и демократических идей имеет место также и в Европе. В преамбуле Европейской конвенции по правам человека говорится об «общем достоянии» демократии. Однако даже когда оно используется как индикатор межстранового консенсуса по определенным ограничениям прав человека, имеется в виду не однородность среди стран, а лишь их международное равенство. Для БРИКС эта «нейтральность» не является новой, поскольку она имела и до сих пор имеет отношение к Китаю и Бразилии.

Касательно Китая достаточно сослаться на так называемую «ангольскую модель». Китай расширил сферу своего влияния для обеспечения поддержки стран с высоким производственным потенциалом, низким уровнем доходов и неоднородными политическими режимами, применяя политику «сохранения лояльности клиента», которая позволяла консолидировать экономические отношения в средне- и долгосрочном периодах. Показательными являются отношения между Китаем и такими странами Африки, как Замбия, Демократическая Республика Конго, Ангола, Судан. Присутствие Китая в Африке часто называют «мягкой силой», чтобы показать гибкость и в то же время жесткость, с которой Пекин осваивал эти рынки, покинутые великими державами или неизвестные им; процесс освоения этих рынков исключал не только применение вооруженных сил, но и, что особенно важно, регулирование внутренних движущих сил различных политических режимов.

Действительно, в качестве единственного требования для начала двусторонних отношений Китай выдвигает уважение пяти принципов мирного сосуществования: невмешательство в управление государством и территорией, запрещение объявления войны, невмешательство в иностранные дела, взаимная выгода от экономических отношений, мирное сосуществование.

В ст. 4 содержатся четкие принципы «национальной независимости»: (I) «невмешательство» (IV), «защита мира» (VI) и «кооперация среди жителей для прогресса чело-

вечества» (IX) – как элементы для констатации «равенства государств» (V), понимаемого не как «единообразие», а как «согласованность» сосуществования при взаимном «невмешательстве» в рамках международного порядка [Preuss, 2008; Simpson, 2004].

Так называемая «ангольская модель» базируется строго на этих принципах, они являются условиями для выдачи кредита. Китай располагает большими денежными ресурсами, которые могут быть использованы в Африке; также Китай имеет потребность в приобретении сырья и нахождении рынков сбыта для своей продукции. Что касается Африки, то она имеет большие сырьевые запасы, но часто испытывает недостаток технологий, которые могли бы позволить ей эксплуатировать эти ресурсы. Эта комплементарность потребностей представляет собой основу китайско-африканских отношений [Thompson, 2005].

Ввиду этих доводов для стран БРИКС характерна та же система ценностей; и именно эту систему ценностей формализовала в своей конституции такая демократическая страна, как Бразилия – в ст. 4, 21 и 84. В соответствии с этими конституционными принципами Бразилия может открыть кредитную линию Анголе, стране с авторитарной политической системой, а также поддержать ее как кандидата на непостоянное членство в Совете Безопасности ООН.

Можно сделать вывод, что конституционные нормы Бразилии используются как условия, препятствующие распространению демократии; как таковые они могут легитимировать процесс межстрановой кооперации в рамках БРИКС. С точки зрения конституционного и политического сравнения сценарий, в реализацию которого вовлечены страны БРИКС, порождает интересные вопросы. Если во имя «распространения демократии» авторитаризм в рамках так называемой «теории перехода» считался исчезающим феноменом, то сегодня, с учетом современных трендов в международной кооперации, он возвращается [Caille, 2005; Beck, 2003]. Теория «демократического перехода» длительное время стремилась относить исследования авторитарных систем к сегменту *региональных исследований*, касающихся Азии, Арабского мира, Латинской Америки, отрицая общую ценность сравнений в этой области науки. Однако раздельная линия, прочерченная между демократией и авторитаризмом, так же как и дискуссии о «распространении демократии», препятствует пониманию современной политической обстановки.

Выводы

Тенденции развития БРИКС показывают, что отличающиеся друг от друга политические режимы могут продвигать институционализированные формы кооперации между странами, при этом взаимное проникновение на конституциональном уровне необязательно. Более того, такие феномены, как фрагментация и разделение политического пространства на секторы, типичное для западных демократий, подтверждают распространение смешанного опыта принятия конституционных стандартов даже там, где «распространение демократии» считается в полной степени прочно установившимся стандартом (как в ЕС). Например, это касается недавних событий в Венгрии [Samau, 2008]. Теории «перехода» и «распространения демократии» становятся недостаточными для понимания возможных движущих сил группы БРИКС.

Но опыт БРИКС также может провоцировать нетипичные вопросы о конституционном сравнении. Прежде всего возможна демонстрация условности конституционных концепций, таких как «однородность» и «распространение демократии», учитывая создание сети межгосударственного взаимодействия в сегодняшнем глобализирован-

ном мире. В самом ЕС «единство» и «непротиворечивость» рассматриваются как факторы, недостаточные для обеспечения согласованности при интеграции [Cerutti, 2014]. Тогда почему процессы создания правовых сетей, таких как БРИКС, должны предполагать приверженность этим концепциям? Являются ли индикаторы «демократичности», разработанные на международном уровне («Домом свободы», Polity IV, Фондом Карнеги за международный мир и др.), достаточными для определения «качества» такой международной сети, как БРИКС? В самом деле, парадокс заключается в том, что при рассмотрении в отдельности эти страны в разных сферах (таких как гражданские свободы, свобода выражения мнений, защита прав человека в тюрьмах) получают очень разные оценки, что приводит к разным позициям в международных рейтингах. В других областях, таких как соблюдение прав женщин или реализация некоторых направлений государственной политики, позиции, наоборот, очень схожи. Несмотря на эту асимметрию, все страны открыты друг другу для обмена информацией и опытом реализации тех или иных направлений политики, формируя то самое «качество» межстрановой кооперации, не обусловленное внутренним «качеством» распространения информации или свободой.

Помимо этого, скорее всего, можно сделать вывод, что наблюдения за БРИКС подтверждают существование «серой зоны» [Carothers, 2002], для которой теория «демократического перехода» за все эти годы не смогла предложить исчерпывающего анализа. Сторонники упомянутой теории были убеждены в том, что «переход» и «распространение демократии» являются неразделимыми элементами современной межстрановой кооперации. В действительности между демократическими и альтернативными им режимами существует некоторый опыт взаимодействия, который, допуская демократический диалог и продвигая некоторые либеральные реформы, укрепляет формы власти, не способствующие «распространению демократии» и не открытые для «перехода». БРИКС является самым важным среди примеров такого опыта, основанного на глобальном продвижении общего мировоззрения и справедливости через кооперацию, но без воздействия на внутренние конституционные различия, которые не обязательно имеют одинаковое понимание.

В плане конституционного сравнения опыт БРИКС призывает к размышлениям о возможности отказа от различий, как косвенных, так и конкретных, между демократическими и авторитарными режимами. Это необходимо для того, чтобы проследить взаимопроникновение между данными двумя системами, а также для того, чтобы найти формы «однородности» и «конвергенции», отличные от форм, поддерживающих «распространение демократии». Такие размышления полезны для межстрановых моделей; они также способны представить альтернативу моделям, которые применялись на евроамериканском Западе.

Учитывая это, выводы, связанные с поиском однородности, наличие которой предположительно в беспрецедентной степени характерно для БРИКС, казалось бы, очевидны: «разделение в единстве» вместо «единства в многообразии». Этот принцип является международным переводом общей «конституционной идентичности» «невмешательства». Но каким будет будущее этого принципа в мире, где соблюдение прав человека каждой страной уже не является вопросом «внутренних прав»?

Литература

- Atripaldi V., Miccù R. (eds) (2003) *L'omogeneità costituzionale nell'Unione europea*. Padova: Cedam.
- Beck U. (2003) *Pouvoir et contre-pouvoir à l'heure de la mondialisation*. Paris: Flammarion.
- Becker U. (ed.) (2014) *The BRICS and Emerging Economies in Comparative Perspective*. L.: Routledge.
- Buxton N., Bullard N. (eds) (2014) *Shifting Power. Critical Perspectives on Emerging Economies* // TNI Working Papers. Amsterdam: Transnational Institute.
- Caillé A. (2005) *Malaise dans la démocratie. Le spectre du totalitarisme* // *Revue du Mauss*. No. 25. P. 68–90.
- Camau M. (2008) *Le leadership politique aux confins des démocraties et des autoritarismes* // *Autoritarismes démocratiques et démocraties autoritaires au XXIe siècle* / O. Dabène, V. Geisser, G. Massardier (eds). Paris: La Découverte. P. 57–88.
- Carducci M. (2012) *A realidade do Países BRICS e o papel do Direito constitucional comparado* // *Revista de Direito Administrativo & Constitucional*. No. 50. P. 205–218.
- Carducci M., Bruno A.S. (2014) *The BRICS Countries as a Legal Dynamic Network and the Multilevel "Hard" EU Regional Structure: A Comparative Survey* // *Law, Governance and World Order* / S. Kierkegaard (ed.). Athens: International Association of IT Lawyers. P. 246–258 and in *International Journal of Public Law and Policy*. No. P. 1–13.
- Carducci M., Bruno A.S. (2014a) *The BRICS Countries between Justice and Economy* // *Methodological Challenges on Constitutional Comparison, Sociology and Anthropology*. No. 2. P. 46–58.
- Carducci M., Bruno A.S. (2014b) *BRICS as Constitutional Inhomogeneous Dynamics* // *Federalismi.it*. No. 20. P. 1–13.
- Carducci M., De Oliveira Mazzuoli V. (2014) *Teoria tridimensional das Interações supranacionais*. Rio de Janeiro: Forense.
- Carmody P. (2013) *The Rise of the BRICS in Africa*. N.Y.: Zed Books.
- Carothers T. (2002) *The End of the Transition Paradigm* // *Journal of Democracy*. No. 1. P. 5–2.
- Cerutti T. (2014) *Valori comuni e identità nazionali nell'Unione europea: continuità o rottura?* // *Federalismi.it*. No. 24. P. 1–24.
- Vergottini G. de (1999) *Le transizioni costituzionali*. Bologna: il Mulino.
- Grassi D. (2008) *Le nuove democrazie. I processi di democratizzazione dopo la caduta del muro di Berlino*. Bologna: il Mulino.
- Huntington S.P. (1993) *The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century*. Oklahoma Press.
- Kanbur R., Venables A.J. (2007) *Spatial Disparities and Economic Development* // *Global Inequality* / D. Held, A. Kaya (eds). L.: Polity Press. P. 204–215.
- Logroscino P. (2007) *Spazi macroterritoriali e coesione. Premesse di comparazione costituzionale*. Cavallino (Le): Pensa.
- Mazzucato M. (2014) *Lo Stato innovatore*. Roma-Bari: Laterza.
- Palermo F. (2005) *La forma di Stato dell'Unione Europea*. Cedam: Padova.
- Preuß U.K. (2008) *Equality of States. Its Meaning in a Constitutional Global Order* // *Chicago Journal of International Law*. No. 1. P. 20–30.
- Roy J. (ed.) (2013) *Después de Santiago. Integración regional y relaciones Unión Europea y América latina*. The Jean Monnet Chair Miami University Press.
- Sandal N.A. (2014) *Middle Powerhood as a Legitimation Strategy in the Developing World: The Cases of Brazil and Turkey* // *International Politics*. No. 51. P. 693–708.
- Simmons B.A., Dobbin F., Garret G (eds) (2008) *The Global Diffusion of Market and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.

Simpson G. (2004) *Great Powers and Outlaw States: Unequal Sovereigns in the International Legal Order*. Cambridge: Cambridge University Press.

Somains E. (2008) *Geografia della democrazia*. Bologna: il Mulino.

Strazzari D. (2014) La clausola di omogeneità dell'Ue: connotazione costituzionale o internazionale? Riflessioni da un'analisi comparata // *Federalismi.it*. No. 24. P. 1–55.

Thompson D. (2005) China's Soft Power in Africa. From the "Beijing Consensus" to Health Diplomacy // The Jamestown Foundation. *China Brief*. No. 5.

Tvevad J. (2014) *Brazil: Promises of More Change-but in which Direction*. Bruxelles: European Parliament-Directorate General for External Policies.

BRICS Countries and Democratic Contagion

M. Carducci, A.S. Bruno

Michele Carducci – Full Professor of Comparative Law, European-American Constitutional Policy Research Centre, University of Salento; Piazza Tancredi 7, 73100 Lecce LE, Salento, Italy; E-mail: michele.carducci@unisalento.it

Anna Silvia Bruno – Associate Professor in Comparative Law, European-American Constitutional Policy Research Centre, University of Salento; Piazza Tancredi 7, 73100 Lecce LE, Salento, Italy; E-mail: bruno.annasilvia@gmail.com

Abstract

The article explores whether the interstate dynamics of the BRICS can activate those processes of convergence of political regimes and practices known as “democratic contagion.” As this contagion was experienced during the “third wave” of democratization, mainly because of homogeneity among states and structural conditions for democratic attraction, the BRICS are not likely to repeat these dynamics. On the contrary, the only real constitutional homogeneity among the BRICS countries is the standard of non-interference in the internal affairs of each member. Non-interference also means abstaining from any initiative to condition the transformation of political regimes in consideration of the same interstate cooperation. The dynamics of the BRICS shows that different political regimes can promote institutionalized forms of interstate cooperation without any mutual contamination at the constitutional level. The theories of “transition” and “democratic contagion” are insufficient to understand these dynamics in the context of the BRICS; for this reason, the theory of democratic transition cannot provide an adequate analysis of BRICS. With its members “split in unity,” as an institution the BRICS suggests an evolution toward a model of “not eurocentric dependence” that can overcome the “peripheral realism” of the role of each state in its own foreign policy.

Key words: democratic contagion, common constitutional standards, constitutional homogeneity, non-interference, BRICS

References

- Atripaldi V., Miccù R. (eds) (2003) *L'omogeneità costituzionale nell'Unione europea*. Padova: Cedam.
- Beck U. (2003) *Pouvoir et contre-pouvoir à l'heure de la mondialisation*. Paris: Flammarion.
- Becker U. (ed.) (2014) *The BRICS and Emerging Economies in Comparative Perspective*. London: Routledge.
- Buxton N., Bullard N. (eds) (2014) *Shifting Power. Critical Perspectives on Emerging Economies. TNI Working Papers*. Amsterdam: Transnational Institute.
- Caillé A. (2005) Malaise dans la démocratie. Le spectre du totalitarisme. *Revue du Mauss*, no 25, pp. 68–90.
- Camau M. (2008) Le leadership politique aux confins des démocraties et des autoritarismes. *Autoritarismes démocratiques et démocraties autoritaires au XXIe siècle* (eds O. Dabène, V. Geisser, G. Massardier). Paris: La Découverte, pp. 57–88.
- Carducci M. (2012) A realidade do Países BRICS e o papel do Direito constitucional comparado. *Revista de Direito Administrativo & Constitucional*, no 50, pp. 205–218.
- Carducci M., Bruno A.S. (2014) The BRICS Countries as a Legal Dynamic Network and the Multilevel “Hard” EU Regional Structure: a Comparative Survey. *Law, Governance and World Order* (ed. S. Kierkegaard). Athens: International Association of IT Lawyers, pp. 246–258 and in *International Journal of Public Law and Policy*, no 1, pp. 1–13.

- Carducci M., Bruno A.S. (2014a) The BRICS Countries between Justice and Economy. *Methodological Challenges on Constitutional Comparison, Sociology and Anthropology*, no 2, pp. 46–58.
- Carducci M., Bruno A.S. (2014b) BRICS as Constitutional Inhomogeneous Dynamics. *Federalismi.it*, no 20, pp. 1–13.
- Carducci M., De Oliveira Mazzuoli V. (2014) *Teoria tridimensional das Integrações supranacionais*. Rio de Janeiro: Forense.
- Carmody P. (2013) *The Rise of the BRICS in Africa*. New York: Zed Books.
- Carothers T. (2002) The End of the Transition Paradigm. *Journal of Democracy*, no 1, pp. 5–2.
- Cerutti T. (2014) Valori comuni e identità nazionali nell'Unione europea: continuità o rottura? *Federalismi.it*, no 24, pp. 1–24.
- de Vergottini G. (1999) *Le transizioni costituzionali*. Bologna: il Mulino.
- Grassi D. (2008) *Le nuove democrazie. I processi di democratizzazione dopo la caduta del muro di Berlino*. Bologna: il Mulino.
- Huntington S.P. (1993) *The Third Wave. Democratization in the Late Twentieth Century*. Oklahoma Press.
- Kanbur R., Venables A.J. (2007) Spatial Disparities and Economic Development. *Global Inequality* (eds D. Held, A. Kaya). London: Polity Press, pp. 204–215.
- Logroscino P. (2007) *Spazi macroterritoriali e coesione. Premesse di comparazione costituzionale*. Cavallino (Le): Pensa.
- Mazzucato M. (2014) *Lo Stato innovatore*. Roma-Bari: Laterza.
- Palermo F. (2005) *La forma di Stato dell'Unione Europea*. Cedam: Padova.
- Preuß U.K. (2008) Equality of States. Its Meaning in a Constitutional Global Order. *Chicago Journal of International Law*, no 1, pp. 20–30.
- Roy J. (ed.) (2013) *Después de Santiago. Integración regional y relaciones Unión Europea y América latina*. The Jean Monnet Chair Miami University Press.
- Sandal N.A. (2014) Middle Powerhood as a Legitimation Strategy in the Developing World: The Cases of Brazil and Turkey. *International Politics*, no 51, pp. 693–708.
- Simmons B.A., Dobbin F., Garret G (eds) (2008) *The Global Diffusion of Market and Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Simpson G. (2004) *Great Powers and Outlaw States: Unequal Sovereigns in the International Legal Order*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Somaini E. (2008) *Geografia della democrazia*. Bologna: il Mulino.
- Strazzari D. (2014) La clausola di omogeneità dell'Ue: connotazione costituzionale o internazionale? Riflessioni da un'analisi comparata. *Federalismi.it*, no 24, pp. 1–55.
- Thompson, D. (2005) China's Soft Power in Africa. From the "Beijing Consensus" to Health Diplomacy. *The Jamestown Foundation*. China Brief, no 5.
- Tvevad J. (2014) *Brazil: Promises of More Change-but in which Direction*. Bruxelles: European Parliament-Directorate General for External Policies.